

ПРИРОДА КОММУНИКАТИВНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ФОРМ В МИФОЛОГИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

ВЫСОЦКАЯ А.Л., преп.

Рассматриваются природа и роль чувственных образов в мифологическом сознании, их влияние на коммуникативные процессы, а также коммуникативно-познавательные формы.

This article presents nature and actions of sensory aspects in mythological mentality. The author suggests structure of communications in mythological mental forms.

Ключевые слова: коммуникативные процессы, мифологические познавательные формы.

Key words: communication processes, mythological cognitive forms.

В природе мифологического образа скрыт механизм его формирования как предметного отражения действительности. Мифологический образ выполняет регулирующую роль по отношению к коммуникации и мифологическому сознанию вообще. Его значение в приспособительной деятельности относительно окружающей среды. Образы отражают предметные условия и регулируют действия, а следовательно, обеспечивают действие с теми объектами, на которые они направлены в данных условиях. Тем самым действие приобретает приспособительный и целесообразный характер. Природа чувственного образа, отраженного в мифе, связана с ощущением, восприятием и представлением сигналов действительности. Ощущение и восприятие, выраженные в мифологических представлениях, имеют сигнальные функции, а также направляют и регулируют мифологические процессы сознания. Регуляторная функция образа состоит в том, что он участвует в формировании мифологических действий и мифологической коммуникативной модели мира. Но образ имеет и обратное проявление, которое заключается в том, что он сам является эффектом соответствующих анализаторных рефлекторных актов, осуществляющих чувственное отражение. Если образы, возникающие в результате ощущения, восприятия, представления, подчинены правилам динамики рефлекторных эффектов, то эти образы являются их частными случаями (в первую очередь чувственный образ). Формирование предметного образа начинается с физического воздействия носителя изображения на его объект или их взаимодействия. Это начальный пункт формирования изображения. Такое изображение предметным образом не является, это лишь элементы отсутствующих в физическом изображении свойств, поскольку физическое изображение внутренне-целостных свойств не воспроизводит. Физическое изображение есть лишь результат или пространственный след процесса действия одного объекта на другой.

Изображение же внутренне-целостных свойств само является изменяющимся в пространстве и времени состоянием взаимодействия. Изображение в этом случае представляет собой процесс. В каждый момент времени точке одного из взаимодействующих тел противостоит

точка в другом из них. Состояние же, имевшее место в предшествующий момент времени, и вместе с ним точки объекта изображения, уже прошедшие при взаимном перемещении мимо данной точки носителя изображения, из отражения выпадают. Это состояние носит, следовательно, как во времени, так и в пространственном отношении «точечный» характер. Самое движение, изменение, а вместе с ним пространственно-временная непрерывность и предметная макроцелостность в отражении отсутствуют. Таким образом, имеющийся в данном варианте физического изображения элемент предметной проекции является по существу лишь дифференциалом предметного изображения, который служит физической основой построения последнего. Для того чтобы на основе этого дифференциала мог возникнуть интегральный предметный образ макрообъекта (т. е. мира) или его свойства, необходимо, чтобы охарактеризованное выше двустороннее состояние взаимодействия, являющееся изображением, охватило объект или его часть во всей пространственно-временной полноте (контур, форму, длительность, действия и т. д.) и чтобы имело место сохранение непрерывности этого изменяющегося макросостояния взаимодействия. А для этого физические условия взаимодействия недостаточны. «Необходим специальный механизм, который осуществлял бы вышеуказанное сохранение и синтезирование непрерывности изменяющегося состояния взаимодействия носителя изображения с его объектом. Таким механизмом, сформировавшимся в ходе длительного приспособительного развития живой материи, и является механизм анализаторов, функционирующий на основе общего рефлекторного принципа работы нервной системы».¹ Мифологическое мышление формирует определенное состояние сознания, представляющее собой сознание, в основе которого лежит мифологическая картина макрообъекта, т. е. реального мира. Физической основой этого является состояние взаимодействия двух объектов (в общем случае рецептора и раздражителя). Исходным механизмом и источником предметности чувственных образов различных модальностей являются разные виды ощущений и восприятия. Остановимся на цветовой модальности образов мифологического сознания. Поскольку цветотоновой образ в его хро-

матических и ахроматических компонентах является наиболее специфическим модальным параметром, представленным в большей степени в первобытной живописи, в нем встречается множество монохромных и полихромных изображений животных и людей.² Цвет несет большую смысловую нагрузку во время коммуникации и трансляции знаний и опыта. Первичными свойствами мифологического образа являются пространственно-временная структура, модальность и интенсивность, а их производными свойствами – константность, предметность, целостность и обобщенность. Первичные свойства создают сенсорно-перцептивный образ. Производные свойства являются специфическими особенностями первичных свойств. Они извлекаются из памяти и воспроизводят прошлые первичные образы, а следовательно, показывают объекты, в данный момент не воздействующие на сознание. Это образы, соединяющие в себе воспоминания, порожденные зрительным сигналом. Представление выступает как посредствующее звено, объединяющее сигналы, организованные в форму образов различных видов и в мыслительные или рече-мыслительные образы. Это говорит об их обобщенности и особой роли взаимосвязи восприятия и памяти в возникновении образов мифологического сознания. Обобщенность образов показывает отнесенность отображаемого в нем объекта к определенному классу, а классы образов не содержатся в данном отражении, поэтому включается посредствующее звено. Посредствующее звено – это образы, сформированные в прошлом опыте, зафиксированные в мифе и воплощенные в извлекаемых из памяти эталонах или представленные в периодически повторяющихся ритуалах. С ними и сравнивается каждый актуальный образ. Вторичные образы, т. е. эталоны, формирующие главные мифологические представления, аккумулируют в себе признаки различных единичных образов. На их основе создается представление о наиболее важных классах объектов, лежащих в основе коммуникативной мифологической картины мира, и возможность перехода от образного отображения к понятийно-логическому, формируется структура отдельных классов предметов, объединенных по одинаковым признакам (классификация), и структура мифологической коммуникации (картины мира). К основным характеристикам вторичных образов (наиболее действенных в мифологическом сознании) можно отнести: *пространственно-временную структуру*, производным свойством которой будет неустойчивость вторичных образов; *вариативность воспроизведения модальности*, производным свойством которой станет фрагментарность вторичных образов; *вариативность интенсивности*, производным свойством которой является обобщенность вторичных образов. Пространственно-временная структура вторичных образов мифологического сознания

позволяет мысленно выйти за его пределы и охватить те стороны, которые при непосредственном восприятии обозреть невозможно. Образы мифологического сознания имеют способность как бы выделяться из фона, т. е. не соотноситься с определенной «координатой мифологического поля», а само поле может быть отделено от образа как «пустое пространство». Однородные образы могут возникать и численно варьироваться, т. е. выпадать и вновь появляться и множиться в мифологическом поле. Преобразование форм образов, их разнообразные проявления выражаются в схематизации образов.³ Вероятно, этот процесс имеет много этапов и много уровней. Его конечным пунктом станет возникновение символа. Вторичный образ как бы содержит ряд переменных. В образе некоторые стороны или черты могут быть не представлены. Фрагментарность и неустойчивость вторичных образов дает возможность говорить об их обобщенности. Они воплощают в себе целый ряд ступеней обобщенности и на высшей ступени могут быть обобщенными образами не единичных предметов или лиц, а целого класса или категории аналогичных предметов.⁴ Фрагментарность неустойчивости обобщенности вторичных образов охватывает пространственно-временную структуру, модальность и интенсивность и является модификацией первичных параметров представлений. Эволюция человеческого сознания, от одного уровня к другому, от сенсорики к перцепции и от нее к вторичным образам, дала возможность перейти к следующему уровню рече-мыслительных процессов, которые в свою очередь стали основой следующего качественного уровня – уровня социально-исторического развития человеческого общества. Мышление стало специфической особенностью человека разумного. В свою очередь, мышление связано с сознанием, т. е. с фактором, позволившим биологическому виду превратиться в человеческое общество. Но общие закономерности биологической эволюции не объясняют переход через рубеж, разделяющий образ и мысль. «Если все предшествующие уровни и формы психики действительно являются результатом общебиологической фазы эволюции и необходимой предпосылкой социальной истории человека, то по отношению к мышлению ситуация обратная. Совместная деятельность и общение, вначале «животноподобные», здесь являются необходимой причиной или предпосылкой, а мышление – следствием или результатом. Это означает, что в этом пункте произошло радикальное преобразование способов детерминации генезиса, структуры и функций психических явлений и их соотношения с поведением и факторами окружающей среды».⁵ «Биологичность» ограничивается социальностью. Этот процесс становится главной причиной мыслительных феноменов. Другими словами, социальная детерминация есть база, а мышление есть ее результат. Второсигнальные феномены и мыш-

ление вообще социально обусловлены. «Общие закономерности биологического развития психики просто фактически не содержат достаточных предпосылок для действительного объяснения эмпирической специфики мыслительных процессов, а заключают в себе лишь детерминанты развития домыслительных форм, которые, конечно, являются необходимым условием последующего включения «в игру» факторов социально-исторической детерминации».⁶ То, что существует качественное различие между уровнями мышления и восприятия, ничего не объясняет по существу. Почему же общебиологическое развитие на данном уровне не обеспечило качественный переход чувственного образа в абстрактную мысль? Возможно потому, что не мышление должно быть выведено из нового способа общественной детерминации, а сама общественно-историческая детерминация объясняется из реальности разграничения, различия, возникшего благодаря специфике мыслительной информации, отличной от специфики образов, находящихся внутри потока информации психической. Следовательно, в общем потоке психической информации структура мысли дает возможность появлению анализа, поскольку он по своей структуре представляет производное от общественной коммуникативной активности, благодаря наличию в ней общения, а из образной детерминации психики конкретные признаки, влекущие за собой анализ, не выводятся. С другой стороны, речь рассматривается как внешняя форма мысли, но ведь речевая форма и мыслительная не тождественны. В связи с этим необходимо определить мыслительные процессы и есть ли там признаки, не выводимые из образной психики, а являющиеся производными от коммуникативно-социальной детерминации. Традиционно мышление представлено как отображение связей и отношений между предметами и явлениями объективной реальности. Отображение является обобщенным, опосредованным, благодаря этому оно выходит за пределы непосредственного опыта. Но эти признаки не могут быть носителями специфики мышления, по сравнению с процессами чисто образного познания объективной действительности. Доказательство этого следующее:

1. Отображение связей и отношений или их воспроизведение присутствуют в ощущении, а также в структуре сигнала информации вообще. Следовательно, отображение и воспроизведение отношений являются универсальной структурной характеристикой любого информационного процесса. Если считать, что мышление воспроизводит существенные отношения, то необходимо давать многоуровневое объяснение сущности с точки зрения ее сложности или глубины.

2. Обобщенность связей и отношений присутствует у всех видов и на всех уровнях образного психического отражения, мало того, с ней связана целостность или неустойчивость вто-

ричного образа. Причем внутриобразная обобщенность является не только человеческой спецификой.⁷ Если любую обобщенность в познании считать проявлением мысли, то необходимо и эмпирическую обобщенность считать специфическим качеством мышления. А достаточно ли оправдано такое расширение термина?

3. Опосредованность в модификациях может быть свойством не только мыслительных процессов, но и вторичных образов-представлений, так как эти образы-представления есть образы объектов, непосредственно не воздействующих на органы чувств. Переходные формы, или промежуточное звено между перцептивными и мыслительными процессами, выполняют и составляют качественный переход от образа к мысли. Мифологическое сознание основывается на двух главных категориях: состояние и преобразование. Ж. Пиаже называет две характеристики познания: дескрипторы, показывающие характеристики состояния или преобразования, и операторы (комбинаторы), дающие возможность воспроизводить преобразование и оперировать дескрипторами с учетом их начальных и конечных состояний.⁸ Дескрипторы связаны с конфигурациями реального мира. Эти фигуративные функции охватывают состояние. Операторы характеризуют механизмы процесса преобразования. Восприятие, подражание и умственный образ связаны с конфигурациями реального мира, а операторы служат для понимания преобразования объектов мира в целях понять его природу, а не просто описать его. Эти две формы отображения реальности соответствуют заданиям функций и отображениям отношений в целях создания модели-образа. Конфигурации реального мира, возникающие в мифологическом сознании, не дают возможности объяснить специфику мышления, которая связана с оперативными процессами и взаимодействием двух основных способов отображения. Следовательно, специфика информационной структуры мифологического мышления основана на соотношении перечисленных выше форм отображения отношений. Конфигуративная и операторная формы должны быть связаны с законами организации информационных процессов. Специфичность информационной структуры мифологического сознания вытекает из какого-то определенного сочетания этих форм получения информации об отношениях, такой же специфичностью должны обладать и способы задания функций. Используя данные шкалы уровней пространственно-временного изоморфизма источника и носителя информации, можно заключить, что из всей совокупности собственно пространственных характеристик упорядоченности сигнала по отношению к источнику он сохраняет инвариантной лишь одномерную последовательность, абстрагируя ее от двух остальных пространственных измерений, которые здесь лишь

закодированы, и тем самым от пространственной непрерывности из совокупности временных характеристик упорядоченности этот общий кодовый уровень оставляет инвариантной все ту же линейную последовательность, являющуюся общим компонентом пространства и времени, абстрагируя ее от других специфических временных характеристик, таких, например, как собственно временная непрерывность. Если общий кодовый уровень представлен одномерным пространственным рядом, то в нем нет инвариантного воспроизведения пространственной трехмерной непрерывности и, кроме того, отсутствует инвариантное воспроизведение временной направленности. Если этот общекодовый уровень сигнала представлен временным рядом, то в нем воспроизведена временная однонаправленность, но нет инвариантного воспроизведения временной непрерывности. На общекодовом уровне иерархической матрицы инвариантными остаются лишь те характеристики, которые воплощают в себе общие черты пространственного и временного аспектов упорядоченности. Такая структура исходного уровня делает его универсальным способом упорядоченности сигнала и оптимальным для передачи информации, поскольку именно передача составляет необходимое условие реализации всех других функций информационных процессов.⁹ Конфигуративное и оперативное отображения отношений в мифологическом сознании связаны с иерархической системой форм изоморфизма следующим образом:

1. Фигуративное отображение отношений в структурированности мифологического субстрата детерминируется отнесенностью фигуративного отображения к различным уровням пространственного изоморфизма, так как отображаются именно пространственные структуры; фигуративные мифологические структуры представлены различного вида образами, которые имеют различную степень обобщенности, следовательно, находятся на разных уровнях инвариантной шкалы. В итоге получается, что мифологические образы обладают специфической пространственной структурированностью, т. е. располагаются на разных уровнях описания пространства мифологической картины мира (коммуникация по принципу «Мировое дерево»).

2. Оперативное отображение отношений в мифологическом сознании связано с символически оперативным уровнем. Таким образом, он представляет общекодовый уровень получения информации об отношениях. Поэтому возможно символически-оперативные линейные ряды

относятся к общекодовому уровню реализации сигналов и выражаются в коммуникативно-мифологическом культурном коде. Мифологическая специфичность возникает при участии и непрерывности воздействия фигуративного отображения (представляет связи и отношения в структуре) и символически операторного отображения (показывает и выражает связи и отношения между объектами посредством оперирования соответствующими им символами). Следовательно, обе формы отображения формируют процесс мифологического мышления, его структуру, организацию, динамику и коммуникацию. Каждая форма имеет как бы собственный язык, поэтому в мифологической коммуникации должен происходить особый непрерывный обратимый перевод (декодирование) содержащейся информации с языка образа на язык символов и обратно, а понятность информации будет представлять собой субъективный вариант обратимости и инвариантности такого перевода. Понятно, что должны существовать определенные рамки инвариантности.

Образная обобщенность в мифологическом сознании возрастает, но это обстоятельство не проясняет механизм перехода образа в мысль, т. е. допонятийной мысли в понятийную. Результатом нарастания образной обобщенности может стать абстрагированность. Понятийная обобщенность сочетает в себе абстракцию с конкретизацией, обобщение с индивидуализацией. Граница между образом и понятием, т. е. между мифологическим мышлением и научным, допонятийным и понятийным, размыта, а возможно, и непреодолима, так как специфика обобщенности и абстрагированности понятий в их безобразности. Однако в понятии должна присутствовать диалектическая связь всеобщего, особенного и единичного, следовательно, в нем должны быть и элементы образно-пространственной предметности.

Примечания

¹ Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Наука, 1998. – С. 119–120.

² Серов Н. Хроматизм мифа. – М.: Искусство, 1972. – С. 153–154.

³ Ломов Б.Ф. Человек и техника. – М.: Наука, 1966.

⁴ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М.: Наука, 1988.

⁵ Веккер Л.М. Указ. соч. – С. 169.

⁶ Веккер Л.М. Указ. соч. – С. 170.

⁷ Фирсов Л.А. Память у антропоидов. – Л., 1972.

⁸ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. – М.: Наука, 1969.

⁹ Веккер Л.М. Указ. соч. – С. 266–267.

Высоцкая Александра Леонидовна,
Ивановский государственный энергетический университет,
преподаватель кафедры Политологии, психологии, связей с общественностью и права,
тел.: (дом.) 34-72-23, (моб.) 89611152826, (раб.) 38-68-20.